

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМА ТОЛКОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ
ПРОБЕЛОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА© 2008 г. А. В. Победкин¹

Важность уголовно-процессуальной формы как важнейшей гарантии прав личности, правильного установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, трудно переоценить. Однако процессуальная форма выполняет свое предназначение лишь при условии ее единообразного понимания и соблюдения правоприменителем. Вместе с тем действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² как нормативный акт, ставший знаковой ступенью на пути реформы уголовного судопроизводства, во многом усовершенствовал эту сферу государственной деятельности, как и любой нормативный акт, содержащий новационные, нередко нетрадиционные, неапробированные идеи, к сожалению, вызвал к жизни нетерпимое в сфере уголовного процесса отсутствие единообразия правоприменительной практики. Такому положению могут быть найдены и объективные причины: любое новое законодательство на начальном этапе своего применения порождает неясности, влечет пробельность правового регулирования, которое должно устраняться посредством внесения изменений и дополнений в законодательство. Однако этому негативному процессу в немалой степени способствовало и явное несовершенство законодательной техники, имевшее место при разработке УПК. Ситуация усугубляется еще и тем, что за шестилетний период существования УПК подвергся более чем значительному количеству изменений и дополнений (более чем 30 федеральными законами), нередко слабо взаимосогласованных.

Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос о путях преодоления правовых пробелов УПК, обеспечения единства правоприменительной практики. Отсутствие такого единства, даже в период действия внешне демократичного законодательства, не менее опасно для конституционных прав человека и гражданина, чем их забвение законодателем, как высшей ценности в Российской Федерации.

Обеспечению единства судебной практики, основанному на правильном понимании уголовно-процессуальных норм, должна способствовать работа Пленума Верховного Суда РФ³, который согласно Конституции РФ⁴ (ст. 126) дает разъяснения по вопросам судебной практики. Пленум Верховного Суда принял пять постановлений по поводу практики применения норм УПК: “О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 5 марта 2004 г.⁵; “О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей” от 22 ноября 2005 г.⁶, “О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел” от 5 декабря 2006 г.⁷, “О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции” от 11 января 2007 г.⁸, “О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях” от 27 декабря 2007 г.⁹ Отдельные вопросы применения норм УПК истолкованы Пленумом Верховного Суда в следующих постановлениях, имеющих другой основной предмет толкования: “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” от 10 октября 2003 г.¹⁰; “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” от 11 января 2007 г.¹¹ (с послед. изм.)¹². Постановления Пленума Верховного Суда “О судебной практике по применению законодательства о

³ В дальнейшем – Пленум Верховного Суда.⁴ В дальнейшем, если иное не оговорено, – Конституция.⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.¹² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.¹ Начальник кафедры уголовного процесса Тульского филиала Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.² В дальнейшем, если иное не оговорено, – УПК.

взыскании судебных издержек по уголовным делам” от 26 сентября 1973 г. (в послед. ред.), “О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции” от 29 августа 1989 г., “О судебном приговоре” от 29 апреля 1996 г., “О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних” от 14 февраля 2000 г., “О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел” от 17 сентября 1975 г. (в послед. ред.), “О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел” от 23 августа 1988 г., “О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации” от 24 декабря 1993 г. изложены в новой редакции Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г.¹³

Указанные постановления существенно способствовали обеспечению единства правоприменительной практики. В то же время возросшая роль разъяснений Пленума Верховного Суда в сфере уголовного судопроизводства, обусловленная перманентным процессом реформирования уголовно-процессуального закона, очевидно, порождает опасность выхода Пленума Верховного Суда за пределы предоставленных законодателем полномочий, принятия на себя функций законодателя, размывания границ уголовно-процессуального закона, регулирования порядка ограничения конституционных прав и свобод человека подзаконными актами, актами толкования, хотя бы и одного из самых квалифицированных, но все же правоприменителей. Задача же последнего – применение закона, а не его создание или корректировка.

Прежде чем обратиться к некоторым конкретным спорным разъяснениям Пленума Верховного Суда с точки зрения предоставленных ему полномочий, следует выяснить сущность постановлений Пленума Верховного Суда, нормативные пределы даваемых им разъяснений по вопросам судебной практики.

Определяя сущность постановлений Пленума Верховного Суда, следует ответить на два принципиальных вопроса: 1) могут ли такие постановления рассматриваться как форма судебного прецедента; 2) являются ли разъяснения Пленума Верховного Суда России источниками права (в изучаемом случае – источниками уголовно-процессуального права)?

Положительно отвечая на первый вопрос, следует учитывать, что понимание судебного прецедента как обязательности решения одного суда по

конкретному делу для других судов в последнее время можно рассматривать как достаточно примитивное, оно получило существенное развитие и вышло на новый, качественно иной уровень. И.Ю. Богдановская в этой связи справедливо замечает, что распространенное в России понимание судебного прецедента как обычного решения суда существенно расходится с пониманием судебного прецедента в странах, где он традиционно признается источником права¹⁴. В частности, в настоящее время отличительной особенностью прецедентов в ряде государств (США, Канада и др.) является широкое распространение их требований на все нижестоящие суды не только в отношении правоположений, складывающихся в процессе рассмотрения конкретных дел, но и в результате толкования высшими судебными инстанциями законов¹⁵.

Исследователи отмечают, что в странах с исконно прецедентным правом в настоящее время наблюдается не только процесс его обновления, но и процесс изменения самого понимания прецедентов, их концепции. В связи с наполнением правового пространства в странах “общего права” законодательными актами все большее число судебных дел решается не на основе прецедентов, а на основе законов. Поэтому в странах “общего права” судьи посредством прецедентов все больше толкуют законодательство. Иначе говоря, “современное прецедентное право в основном развивается на основе прецедентов толкования, а не “чистых” прецедентов. ...Прецеденты толкования отличаются от обычных прецедентов тем, что они основаны на законе”¹⁶. Прецеденты толкования могут существенно изменить содержание статута, но они обеспечивают стабильность в его применении, что сказывается на его эффективности. Движение от судебного прецедента к прецедентам толкования сближает право стран “общего права” с государствами романо-германской системы права. В большинстве последних (к которым принято относить и Россию) прецедент как источник права формально не признается, но фактически нередко используется. Мало того, в этих странах отмечается заметное усиление позиции судебной практики, которая выходит исключительно за рамки правоприменения и претендует на самостоятельность как форма (источник) права¹⁷.

¹⁴ См.: Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права? // Гос. и право. 2002. № 12. С. 5.

¹⁵ См.: Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал рос. права. 2006. № 6. С. 99–104.

¹⁶ Богдановская И. Судебный прецедент и его эволюция // Законность. 2007. № 3. С. 45–46.

¹⁷ См.: там же. С. 46.

¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.

Для современного судебного прецедента как правового феномена характерны такие атрибуты как: порождение судебных прецедентов только высшими судебными инстанциями; их нормативный характер; общеобязательный характер прецедента как для нижестоящих судов, так и для всех иных государственных органов и должностных лиц; определенная связанность высших судебных инстанций своими собственными решениями; обнародование решений прецедентного характера в бюллетенях или других официальных изданиях; его вторичный характер по сравнению с законом; выступление прецедента в качестве источника права; направленность прецедентов не только на более эффективное и квалифицированное рассмотрение судами конкретных дел, но и на устранение пробелов в праве и двусмысленностей в законах и других нормативно-правовых актах¹⁸.

Правовая природа, содержание и юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда России позволяют утверждать, что они охватываются современным представлением о судебном прецеденте и являются формой такового.

Весомым, на первый взгляд, аргументом иной точки зрения может быть обращение к генезису постановлений Пленума Верховного Суда: в странах, признающих судебный прецедент, даже толкование судом законов большей частью связано с рассмотрением конкретных дел, в то время как Пленум Верховного Суда конкретных дел не рассматривает. Однако следует помнить, что разъяснения Пленума Верховного Суда основаны не на чистом толковании законов (что не позволяет данному органу и Конституция), а на обобщении судебной практики, т.е. изучении совокупности конкретных судебных решений.

Вопрос о том, может ли судебный прецедент, нашедший отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда, рассматриваться как источник права, является более сложным. Некоторые авторы прямо указывают на постановления Пленума Верховного Суда РФ как на источники уголовно-процессуального права, отмечая при этом, что отрицание статуса Постановлений Пленума Верховного Суда как источника уголовно-процессуального права, вопреки неоспоримым реальностям, представляет собой “зашоренное” видение проблемы, давно преодоленное в большинстве стран мира¹⁹. Другие полагают, что выявление Пленумом действительного смысла уголовно-процессуальных норм и формулирование им на этой основе обязательных указаний не могут рассматриваться как правотворчество, а постановле-

ния Пленума не являются источником уголовно-процессуального права²⁰.

Основным или прямо озвучиваемым или подразумеваемым аргументом противников признания за судебной практикой статуса источника права является аргумент о возможности в случае такого признания наступления бесконтрольного судейского усмотрения, выходящего за рамки законодательных установлений. В этой связи И.Л. Петрухин отмечает, что наделение Пленума Верховного Суда правомочиями создавать нормы права подрывало бы идею разделения властей, поскольку судебная власть в странах со статусным правом не должна заниматься законотворчеством²¹.

В России признание судебной практики в качестве источника права происходило трудно даже на доктринальном уровне. Так, относительно роли судебного прецедента в царской дореформенной России Г.Ф. Шершеневич отмечал, что Российская империя “управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. Следовательно, иные формы права, кроме закона, могут быть признаны лишь постольку, насколько они указаны законом... судебные решения могли бы иметь значение норм права, если бы обязательность их была установлена законом”²².

После судебной реформы 1864 года отношение к судебному прецеденту несколько изменилось, что объяснялось указанием в принятых нормативных актах, в частности в ст. 13 Устава уголовного судопроизводства, на запрещение останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия закона (такое же положение было предусмотрено и в УПК РСФСР 1923 года). В то же время департаменты Сената по уголовным и гражданским делам стали давать разъяснения “для руководства по единообразию” в процессе применения и толкования применяемых актов²³. Поэтому с принятием Судебных уставов 1864 года российский суд стал постепенно приобретать не только функцию правоприменителя, толкователя права, но и функцию, близкую к созданию новых правовых норм²⁴.

Официально судебный прецедент в России источником права не является. Вместе с тем, отсутствие нормативного признания судебного преце-

²⁰ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 85.

²¹ См.: Петрухин И.Л. Судебная власть. Контроль за расследованием преступлений. М., 2008. С. 34.

²² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие (По изданию 1910–1912 гг.). Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М., 1995. С. 86. Цит по: Марченко М.Н. Источники права. Учебное пособие. М., 2005. С. 362.

²³ См: там же. С. 362.

²⁴ См.: там же. С. 367.

¹⁸ См.: Марченко М.Н. Указ. соч. С. 107.

¹⁹ См.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2002. С. 16–17.

дента как источника права не только в России, но и в иных государствах, тяготеющих к романо-германской системе права, отнюдь не исключало и не исключает фактического выполнения судебным прецедентом роли источника права.

В современной России к тому имеются и нормативные предпосылки. В соответствии со ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики. В ст. 56, 58 Закона РСФСР “О судостроительстве РСФСР” (действующего в части, не противоречащей современному законодательству, до настоящего времени) предусматривается право Пленума Верховного Суда рассматривать материалы изучения и обобщения судебной практики и давать руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства, обязательные для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Существует мнение, что эти формулировки Закона РСФСР “О судостроительстве РСФСР” вступили в противоречие со ст. 126 Конституции, где эпитет “руководящие” применительно к разъяснениям Пленума Верховного Суда снят²⁵. А.И. Рарог в этой связи полагает, что разъяснения, даваемые Пленумом Верховного Суда теперь не являются руководящими и имеют только рекомендательный характер²⁶.

Однако представляется, что снятие эпитета “руководящие” применительно к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ в действующей Конституции не влияет на законодательное указание об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда. В самом деле, какое значение имеют “рекомендательные” разъяснения Пленума, если не исключают и иных вариантов применения правовых норм? Каков смысл таких разъяснений? Вряд ли можно согласиться с тем, что, рекомендуя вариант применения нормы права, Пленум Верховного Суда подразумевает допустимость и других вариантов. Признание за разъяснениями Пленума Верховного Суда рекомендательного характера способствует не укреплению законности, а напротив, ее размыванию, ослабляя фундамент единообразия правоприменения.

Таким образом, поскольку законодательство прямо указывает на обязательность для правоприменителя особой формы судебного прецедента, сформированного высшим судебным органом России, может быть сделан вывод, что *разъяснения Пленума Верховного Суда обладают признаками правовой нормы*. Несомненно, судебное правотворчество имеет особенности. Оно осу-

ществляется в рамках закона и на основе закона, исходящего от компетентного законодательного органа; связано с толкованием права и восполнением пробелов в праве; основывается на имеющихся нормах и правовых принципах, а не на субъективной воле; не должно противоречить действующим законам; не может отменять и изменять законы; осуществляется в определенных рамках и границах, предусмотренных законом²⁷.

Постановления Пленума Верховного Суда, представляя собой обобщенную, являющуюся результатом анализа судебной практики легальную по форме и нормативную по содержанию форму судебного прецедента. Постановления Пленума Верховного Суда РФ в связи с тем, что отвечают основным критериям правовой нормы (правило поведения, легально установленное, имеющее обязательный характер для группы субъектов, предполагает многократное применение, возможность применения различного рода санкций за неисполнение), с учетом вышеобозначенных особенностей могут рассматриваться как форма нормативного толкования закона и указания на пути преодоления правовых пробелов.

А.И. Рарог отмечает, что согласно положениям Конституции Верховный Суд в настоящее время может давать разъяснения не по вопросам законодательства, применения законодательства (как указывалось в ранее действовавших нормативных актах), но лишь по вопросам судебной практики²⁸. Представляется, что такая формулировка в Конституции не лишает Пленум Верховного Суда права толкования закона, а свидетельствует лишь о том, что такое толкование может иметь место не изолированно от судебной практики, но порождается лишь ее проблемами, основывается на ее изучении, имеет целью обеспечение единообразия правоприменения. Вряд ли можно подвергнуть сомнению, что разъяснения по вопросам судебной практики представляют собой разъяснения по применению судами законодательства.

Очевидно, что как наиболее квалифицированный правоприменитель Верховный Суд через обобщение и анализ правоприменительной практики разъясняет понимаемые на практике нормы уголовно-процессуального права. Это толкование имеет, по сути, нормативный характер. Однако роль постановлений Пленума Верховного Суда не ограничивается нормативным толкованием, поскольку уголовно-процессуальное право не свободно от такого негативного правового явления, как пробел в праве. До настоящего времени действенным средством преодоления пробелов в

²⁵ См.: Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 38. О том же см.: Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Гос. и право. 2001. № 2. С. 52.

²⁶ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 52, 57.

²⁷ См.: Марченко М.Н. Источники права. Учебное пособие. С. 395; Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 121.

²⁸ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 52.

уголовно-процессуальном праве является применение аналогии закона или аналогии права. Вместе с тем вопрос о применении аналогии в уголовно-процессуальном праве до настоящего времени является актуальным как с теоретических, так и с практических позиций. П.С. Элькинд, признавая, что в уголовно-процессуальном праве трудно предусмотреть все возможные обстоятельства, которые могут возникнуть в ходе уголовного судопроизводства, тем не менее, полагала, что совершенствование уголовно-процессуального закона до такого высокого уровня вполне возможно, и со временем необходимость в использовании аналогии не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном праве отпадет²⁹. Высказывались мнения и о невозможности обойтись без аналогии в сфере уголовно-процессуального права³⁰. Как уже отмечалось, согласно УПК РСФСР 1923 г. судам запрещалось останавливать решение уголовного дела под предлогом отсутствия, неполноты или противоречия законов. Это положение представляло собой нормативную основу применения аналогии. В последующих уголовно-процессуальных кодексах России подобные положения уже отсутствовали. В действующем УПК о допустимости аналогии также умалчивается³¹.

Вместе с тем, поскольку существуют пробелы в праве (приходится признать, что в процессуальных отраслях такие пробелы будут существовать всегда), применение аналогии в уголовном судопроизводстве представляется не только возможным, но в ряде случаев и необходимым. Конечно, использование аналогии возможно только с учетом сформулированных в науке правил. Применение аналогии закона в сфере уголовного судопроизводства возможно, *во-первых*, когда неурегулированные общественные отношения не представляют собой абсолютно нового уголовно-процессуального отношения, а являются лишь стороной, особенностью того отношения, которое урегулировано законом и по которому законодатель ясно выразил свою принципиальную позицию; *во-вторых*, восполнение пробелов в законе должно опираться на принципы уголовного процесса, не нарушать их и не ущемлять права личности³². Вместе с тем нельзя исключать ситуации, когда отсутствует нормативно урегулиро-

ванный аналог. В этом случае следует применять аналогию права. Такая аналогия должна опираться на принципы уголовного судопроизводства, которые, как известно, не только характеризуют качественное содержание уголовно-процессуального закона, уголовно-процессуальности, но и выступают как непосредственные регуляторы общественных отношений в уголовном судопроизводстве. Опора на принципы уголовного судопроизводства при применении аналогии права в уголовном судопроизводстве не позволяет согласиться с мнением, что аналогия права противоречит идее законности³³. В этой связи следует согласиться с предложением закрепить в УПК возможность применения аналогии закона и аналогии права при регулировании уголовно-процессуальных отношений³⁴.

Поскольку уголовно-процессуальное право напрямую допускает возможность существенного ограничения конституционных прав и свобод личности, вряд ли правомерным представляется применение аналогии к отношениям, сопряженным с процессуальным принуждением. Так, например, право следователя при производстве обыска запретить лицам, присутствующим в месте, где он производится, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска, не может быть реализовано в ходе принудительного (осуществляемого по решению суда) осмотра жилища, поскольку процессуальное принуждение может применяться лишь в случае, если таковое предусмотрено для конкретного правоотношения.

Исходя из изложенного, формулирование Пленумом Верховного Суда прямо не предусмотренных в законе правил может иметь место, однако должно укладываться либо в выявление адекватного смысла правовой нормы (толкование), либо в границы использования аналогии в уголовном судопроизводстве. При этом, учитывая границы нормативного толкования Пленумом Верховного Суда уголовно-процессуального закона, даже в случаях, «когда речь идет о возможности в результате восполнения пробелов в части обеспечения реализации предоставленных гражданам прав усилить гарантии достижения истины, нельзя игнорировать принципиальный запрет созда-

²⁹ См.: Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 184.

³⁰ См., например: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 167–168.

³¹ Единственное в действующем УПК указание на возможность применения аналогии содержалось в утратившей силу ст. 475 УПК, где речь шла о возможности использования структуры аналогичного бланка при составлении процессуального документа, бланк которого отсутствует в перечне, предусматривавшемся гл. 57 УПК.

³² См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. С. 86.

³³ См.: Элькинд П.С. Указ. соч. С. 183. При этом П.С. Элькинд, раскрывая правила применения уголовно-процессуального закона по аналогии как временной исключительной меры, указывает на возможность такой аналогии только тогда, когда фактические обстоятельства конкретного случая, хотя прямо непосредственно и не предусмотрены законом, однако необходимо вытекают из его основных положений. Фактически в данном случае речь идет именно об аналогии права.

³⁴ См., например: Уголовный процесс. Учебник / Под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002. С. 49.

вать при этом новые уголовно-процессуальные нормы»³⁵.

Таким образом, процессуальные аспекты работы Пленума Верховного Суда заключаются в том, что он уполномочен либо давать нормативное толкование уголовно-процессуального закона, либо указывать путь применения аналогии закона или аналогии права, не создавая при этом новых норм уголовно-процессуального права, не отменяя и не изменяя действующих. Обозначенные пределы полномочий Верховного Суда следовало бы закрепить нормативно.

С точки зрения сформулированных критериев обратимся к некоторым разъяснениям Пленума Верховного Суда по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства.

Принятое Пленумом Верховного Суда постановление «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г., основным предметом которого явилось разъяснение порядка применения норм УПК РФ 2001 г., с точки зрения содержания – разноаспектно и явилось своеобразным “спасательным кругом” для правоприменителя, вооруженного лишь собственным уровнем правосознания при решении возникавших на практике ситуаций, внешне предполагавших в равной мере допустимые (ввиду полного отсутствия каких-либо легальных путей) альтернативные решения либо вынуждавших действовать откровенно, вопреки прямым нормативным предписаниям.

Существенные пробелы законодательной регламентации производства по уголовному делу, необходимость обеспечить единообразие правоприменения, а нередко и скорректировать неприемлемую позицию законодателя, вытекающую из буквального толкования норм УПК, вынудили Пленум Верховного Суда РФ в ряде случаев превысить предоставленные ему полномочия фактически создать новые процессуальные нормы. Такая практика должна быть оценена только как незаконная и чреватая размыванием границ нормативной уголовно-процессуальной базы.

Представляется, что никаким другим образом, кроме как введением новых норм права, нельзя оценить позицию Пленума Верховного Суда РФ о возможности продления срока задержания свыше 48 часов в случаях, когда в судебное заседание о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК приглашенный подозреваемым или обвиняемым защитник, будучи надлежащим образом извещенным о месте и времени судебного заседания, в суд не явился (при условии, что участие защитника согласно ст. 51 УПК является обязательным) и дознаватель, следователь принимают меры к на-

значению защитника. Такое разъяснение не является ни толкованием нормы (поскольку фактически создается новое основание для продления срока задержания), ни применением закона по аналогии (отсутствует норма, регулирующая сходное отношение), ни применением аналогии права (нарушается общее правило применения аналогии – недопустимость применения принуждения, кроме прямо предусмотренных в законе случаев, и, кроме того, разъяснение вступает в прямое противоречие с принципом неприкосновенности личности – срок задержания пролонгируется при отсутствии законных оснований)³⁶.

Сомнение с точки зрения соответствию признакам толкования закона вызывает разъяснение Пленума Верховного Суда о необходимости приводить в обвинительном заключении (обвинительном акте) краткое содержание доказательств, а не только перечень их источников (п. 13 Постановления от 5 марта 2004 г.). С теоретической точки зрения в обвинительном заключении (обвинительном акте) действительно следовало бы приводить не только содержание доказательств, но и их анализ, позволяющий сделать вывод о доказанности обстоятельств, позволяющих направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу. Однако законодатель занял принципиально иную позицию, о которой разработчики УПК заявляли³⁷. Эта позиция преследовала четко определенную цель: обеспечить реальное ознакомление государственного обвинителя с материалами уголовного дела перед поддержанием государственного обвинения, поскольку нередко прокуроры ограничивались лишь ознакомлением с содержанием обвинительного заключения, где согласно УПК 1960 г. требовалось не только раскрывать содержание доказательств, но и их анализировать.

Указанием в ч. 2 ст. 74 УПК на виды доказательств (показания обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и т.д.) законодатель фактически признает, что процессуальная форма существования сведений о фактах может именоваться доказательством наряду с тем, что в ч. 1 ст. 74 УПК доказательства определены как сведения о фактах. Это вполне укладывается в одну из концепций, согласно которой, если форма доказательства и его содержание неразрывно взаимосвязаны, то и указание на процессуальную форму как на доказательство (а не на “источник сведений о фактах” или на “источник доказательства”, что также принято в научном обороте) является совершен-

³⁵ Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. С. 86.

³⁶ На эти обстоятельства обращалось внимание в литературе (см.: Гольцов А.Т. Заключение под стражу. М., 2004. С. 22; Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 147).

³⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2004. С. 477.

но обоснованным³⁸. Признавая право на существование и резонансность такой точки зрения (не отрицая при этом, что такое же право имеет и ряд иных подходов к соотношению понятий “доказательство”, “источник доказательства”, “источник сведений о фактах”), заметим, что ее, как выясняется, не признает Пленум Верховного Суда, который указывает, что в обвинительном заключении (обвинительном акте) под перечнем доказательств подтверждающих обвинение, а также перечнем доказательств, на которые ссылается сторона защиты, следует понимать не только ссылки на соответствующие источники доказательств, но и приведение в нем краткого содержания самих доказательств. Таким образом, Верховный Суд РФ как самый квалифицированный правоприменитель в документе, имеющем статус, легального нормативного толкования УПК, указывает на то, что процессуальную форму существования и сохранения сведений о фактах (ч. 2 ст. 74 УПК) следует именовать не видами доказательств, а их источниками. Даже признавая с теоретических позиций возможную правильность подхода Пленума Верховного Суда, нельзя согласиться, что такое толкование ст. 220 и 225 УПК является адекватным.

И.Л. Петрухин полагает, что постановлением Пленума Верховного Суда от 5 марта 2004 г. № 1 восстановлен институт доследования, упраздненный с момента вступления в силу действующего УПК. Признавая законным возвращение дел для доследования в случае допущения на предварительном следствии существенных нарушений, Пленум Верховного Суда, по мнению И.Л. Петрухина, создал новую норму уголовно-процессуального права, по сути, упраздняющую ч. 2–5 ст. 237 УПК³⁹.

Вопрос о необходимости, основаниях и пределах дополнительного расследования относится к одному из наиболее сложных в теории уголовного судопроизводства. Достаточно отметить, что данный вопрос неоднократно являлся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, которым было установлено, что положениям Конституции РФ не соответствует возложение на суд обязанности по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможной в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, а также в ситуациях,

когда существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на досудебных стадиях, влекут невозможность в судебном заседании неполноту дознания или предварительного следствия⁴⁰. В то же время не противоречит Конституции возможность возвращения уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые не устранимы в судебном заседании и не позволяют рассмотреть дело, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, в том числе и по инициативе суда⁴¹. В этой связи Пленум Верховного Суда не ввел новых норм, поскольку такие нормы были введены правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Пленум Верховного Суда лишь обратил внимание на необходимость руководствоваться в правоприменительной деятельности этими нормами. Относительно правовых позиций, формулируемых Конституционным Судом РФ, следует заметить, что они, по мнению некоторых авторов, по юридической силе (хотя и носящей поднормативный характер, производной от юридической силы Конституции РФ) приравниваются, тем не менее, к юридической силе самой Конституции⁴². Поэтому, дача разъяснений по вопросам применения правовых позиций Конституционного Суда РФ, вполне укладывается в компетенцию Пленума Верховного Суда РФ.

Вместе с тем, фактически повторив правовую позицию Конституционного Суда РФ в постановлении от 5 марта 2004 г., Пленум Верховного Суда не указал основанный на аналогии права путь решения практически актуального вопроса: каким образом следует поступить в случае, когда

⁴⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ делу о проверке конституционности положений п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород от 20 апреля 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205; Определение Конституционного Суда РФ по жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР от 3 февраля 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 13. Ст. 1428.

⁴¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева от 4 марта 2003 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.; Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан от 8 декабря 2003 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

⁴² См.: Марченко М.Н. Источники права. Учебное пособие. С. 413.

³⁸ См., например: Шейфер С.А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство: теория и практика. 2005. № 1. С. 119–126.

³⁹ См.: Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 265.

устранение допущенных нарушений после возвращения дела прокурору с неизбежностью требует ухудшения положения обвиняемого, собирав новых доказательств. Об актуальности проблемы свидетельствует и факт, что даже убежденные противники института дополнительного расследования озабочены невозможностью ухудшения положения обвиняемого в случае установления в судебном заседании, что обвиняемым совершено более тяжкое преступление, чем вмененное или иные, не вмененные преступления⁴³.

Действительно, какой смысл имеет формальное устранение существенных нарушений, допущенных в ходе досудебного производства, если права участников судопроизводства (например, потерпевшего) фактически не восстановлены по существу. Однако внесение предлагаемых в литературе изменений в УПК – процесс длительный, а назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, не достигается уже сегодня. Почему бы Пленуму Верховного Суда не напомнить правоприменителю о правовой позиции Конституционного Суда РФ, не исключившего возможности в случае заявления стороной соответствующего ходатайства (но не по собственной инициативе) возвратить дело прокурору при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении. Данная правовая позиция сформулирована Конституционным Судом в период действия УПК РСФСР 1960 г. (постановление от 20 апреля 1999 г.), однако правовые позиции Конституционного Суда России не связаны с конкретными нормативными актами. Они приобретают автономный нормативный характер и применимы к любому другому закону, в том числе и к действующему УПК, до тех пор, пока имеет юридическую силу Конституция, на соответствие положениям которой проверялся конкретный закон.

Кроме того, в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. сформирована правовая позиция, согласно которой именно на стадии судебного разбирательства в первую очередь в максимальной степени следует обеспечивать условия для вынесения законных, обоснованных и справедливых решений, что, в частности, предполагает принятие судом первой инстанции по заявлению сторон о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, могущих иметь существенное значение для разрешения дела, надлежащих мер к тому, чтобы они получили

свое отражение в итоговом решении. Если же это невозможно в силу недопустимости выхода суда за рамки обвинения, сформулированного в обвинительном заключении (обвинительном акте), то должны быть задействованы процессуальные механизмы, которые позволяли бы осуществлять расследование новых обстоятельств и их учет в соответствующем документе, направляемом в суд органами уголовного преследования⁴⁴.

Фактически при установлении в ходе судебного разбирательства новых или вновь открывшихся обстоятельств Конституционный Суд РФ признал соответствующим Конституции возвращение дела для дополнительного расследования, в том числе и для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления, вменения дополнительных эпизодов. Представляется, что разъяснение этой правовой позиции в постановлении Пленума Верховного Суда не только назрело, но и является легитимным.

Как превышение Пленумом Верховного Суда полномочий следует рассматривать толкование ч. 4 ст. 377 УПК, согласно которой при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства в соответствии с требованиями главы 37 УПК. Пленум Верховного Суда (п. 25 Постановления от 5 марта 2004 г.) под таким исследованием понимает проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, получивших оценку суда первой инстанции (оглашение показаний свидетелей, потерпевшего, заключения эксперта и т.д.). Представляется, что такое исследование является не непосредственным исследованием доказательств в смысле гл. 37 УПК, а наоборот, исключением из этого общего условия судебного разбирательства. Непосредственность исследования доказательств предполагает заслушивание показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, а не их оглашение. В данном случае Пленум Верховного Суда не ограничительно толкует норму, предусмотренную в ч. 4 ст. 377 УПК, а фактически корректирует ее.

Так же следует оценить и запрет применять особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Сам по себе такой подход Пленума Верховного Суда РФ заслуживает поддержки. Однако он не вытекает из УПК и фактически является созданием новой нормы. Согласно ч. 2 ст. 420 УПК производство по уголовному делу о

⁴³ См.: Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 267–268.

⁴⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений ст. 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда от 16 мая 2007 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, установленном ч. 2 и 3 УПК, с изъятиями, предусмотренными гл. 50 УПК. Глава 50 УПК не устанавливает норм, касающихся особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, в то время как гл. 40 (“Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением”) является составным элементом ч. 3 УПК. При этом следует учитывать, что несовершеннолетний лишается гарантии, предусмотренной ч. 7 ст. 316 УПК относительно максимального срока или размера наказания, при заявлении ходатайства об особом порядке судебного разбирательства.

К числу решений, существенно корректирующих действующее уголовно-процессуальное законодательство, можно отнести и сформулированную Пленумом Верховного Суда позицию о возможности особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам частного обвинения, рассматриваемым у мирового судьи, а также существенные элементы предшествующей такому судебному разбирательству процедуры (п. 8 Постановления от 5 декабря 2006 г.). В целом можно сделать вывод, что признание Пленумом Верховного Суда такой возможности лежит в рамках использования аналогии права. Однако такое решение неизбежно влечет за собой создание не определенной законом процедуры, существенным образом отличающейся от процедуры, предусмотренной главой 40 УПК. Вряд ли можно согласиться с тем, что такая процедура может быть установлена Пленумом Верховного Суда. Поэтому использование правоприменителем п. 8 Постановления Пленума “О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел” от 5 декабря 2006 г. может рассматриваться как временная исключительная мера, и законодателю необходимо предусмотреть процедуру заявления ходатайства об особом порядке судебного разбирательства, его рассмотрении, разрешении по делам частного обвинения, возбуждаемым путем подачи заявления потерпевшим (его законным представителем) мировому судье.

Согласно п. 27 Постановления от 5 марта 2004 г. если по делу обвиняется несколько обвиняемых, а ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства заявил лишь один обвиняемый, такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке. В то же время в Постановлении “О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел” от 5 декабря 2006 г. (п. 7) предусматривается возможность выделения дела в отношении лиц, заявивших ходатайство об

особом порядке судебного разбирательства. Такой подход Пленума – не что иное, как формулировка нового основания выделения уголовного дела и, кроме того, позиция, противоречащая не утратившим силу положениям предшествующего постановления. Представляется, что выделение уголовного дела в данном случае может рассматриваться как действие, аналогичное выделению уголовного дела в ситуациях, установленных ч. 7 ст. 31 УПК (выделение уголовного дела в отдельное производство, если в отношении некоторых обвиняемых дело подсудно военному суду) и п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК (выделение уголовного дела в отдельное производство, если некоторые обвиняемые заявили ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей). Однако, следует заметить, что в такой ситуации более серьезной защитой прав и законных интересов заявившего ходатайство об особом порядке судебного разбирательства служил бы иной подход: если по делу обвиняются несколько лиц, а ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства заявил лишь один (несколько) обвиняемый, такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке, но обвиняемым, заявившим ходатайство об особом порядке судебного разбирательства в случае признания их виновными, не может быть назначено наказание свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данное преступление.

Относительно возможности принятия по итогам особого порядка судебного разбирательства иных решений, кроме постановления обвинительного приговора, Пленум Верховного Суда РФ признал ошибочность толкования, данного в п. 28 Постановления от 5 марта 2004 г. В этом постановлении отрицалась возможность принятия по итогам особого порядка судебного разбирательства иных решений, кроме обвинительного приговора. В постановлении от 5 декабря 2006 г., напротив, отмечается, что гл. 40 УПК не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено. Кроме того, возможно принятие различных решений по заявленному гражданскому иску. Таким образом, более двух с половиной лет сформулированная Пленумом Верховного Суда позиция ориентировала судей на иное (не будем оценивать – правильное или нет) правоприменение. Очевидно, что противоположные варианты правоприменения не могут в одинаковой степени надежно защищать права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Приведенная ситуация подчерки-

вает, насколько серьезно разъяснения Пленума Верховного Суда могут влиять на степень защищенности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В целом относительно толкований норм УПК, регламентирующих особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, очевидно, что Пленум Верховного Суда занял позицию на расширение оснований его применения и возможностей суда в ходе такого производства.

Аргументация некоторых выводов Пленума Верховного Суда не может быть признана достаточной. Так, в п. 17 постановления Пленума от 5 декабря 2006 г. разъясняется, что вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда по делу, рассмотренному в особом порядке, могут быть обжалованы в надзорном порядке без каких-либо ограничений (т.е. с учетом возможности обжалования в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции), поскольку уголовно-процессуальный закон (ст. 317 УПК) такого запрета не содержит. Отсутствие в УПК запрета на применение особого порядка судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних, тем не менее, не явилось препятствием формированию Пленумом Верховного Суда отрицательной позиции по данному вопросу. Представляется, что правила использования аналогии закона приводят к выводу о невозможности обжаловать приговор по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 379 УПК, и в надзорном порядке, поскольку обстоятельства дела нижестоящими судами не исследовались и не устанавливались, а значит, не могут быть и проверены. В самом деле, нельзя же серьезно рассматривать как установление обстоятельств дела вывод судьи о том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Этот вывод делается вне какой-либо процессуальной процедуры, мысленно судьей, не сопровождается какими-либо гарантиями, а потому является исключительно субъективным мнением судьи.

Ряд замечаний с точки зрения полномочий Пленума Верховного Суда вызывает и его постановление “О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции” от 11 января 2007 г. Так, в юридической литературе справедливо обращено внимание на придание Пленумом Верховного Суда понятию инстанционности иного смысла, чем смысл, заложенный законодателем⁴⁵. Законода-

тель использует понятие судебной инстанции как характеристику полномочий суда определенного звена судебной системы в различных стадиях процесса. Пленум Верховного Суда устанавливает инстанционность в системе судов, уполномоченных рассматривать дело в надзорном порядке. При этом представляется, что Пленум Верховного Суда необоснованно создает новые процессуальные нормы, фактически вводя “инстанционность” и внутри суда, обладающего полномочиями суда надзорной инстанции. Так, согласно позиции Пленума, надзорные жалоба или представление могут быть приняты к производству судьи вышестоящего суда лишь в тех случаях, когда постановлением судьи нижестоящего суда надзорной инстанции в удовлетворении жалобы или представления отказано и председатель этого суда, проверив постановление судьи по жалобе или представлению, согласился с решением судьи либо когда состоялось решение этого суда, вынесенное в порядке ст. 407 и 408 УПК (п. 2 постановления от 11 января 2007 г.). Отсюда следует, что в случае отказа в удовлетворении судьей суда надзорной инстанции надзорных жалобы или представления участник уголовного судопроизводства, подавший жалобу (представление), лишается права принесения жалобы (представления) в вышестоящий суд надзорной инстанции и вынужден приносить не предусмотренную законом жалобу (представление) председателю соответствующего суда, который уполномочен отменить постановление об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления и возбудить надзорное производство. Между тем ст. 403 УПК предполагает в случае отказа в удовлетворении жалобы (представления) возможность обращаться именно в вышестоящий суд надзорной инстанции.

Кроме того, Пленум Верховного Суда, опираясь на сомнительную трактовку принципа составительности (ст. 15 УПК), не позволяет председателю Верховного Суда России, его заместителям, а также председателям судов уровня субъекта Федерации и приравненным ним военных судов по собственной инициативе отменять постановление судьи об отказе в удовлетворении жалобы (представления), указывая на возможность реализации ими своих полномочий в этой части лишь в случае внесения в суд надзорной инстанции жалобы или представления, в которых оспаривается правильность выводов судьи, решением которого в их удовлетворении было отказано. В.П. Божьев вполне резонно отмечает, что указанные в законе руководители судов должны иметь право производить проверку правильности постановлений судей об отказе в возбуждении надзорного производства и по собственной инициативе, в связи с чем Пленум Верховного Суда необоснованно ограничил их полномочия⁴⁶.

⁴⁵ См.: Божьев В.П. Пленум Верховного Суда России о производстве в надзорной инстанции // Законность. 2007. № 4. С. 19.

⁴⁶ См.: там же. С. 18.

Вызывает сомнение ограничительное толкование Пленумом Верховного Суда положений ст. 127 УПК, где указано, что жалобы и представления на приговоры, определения и постановления судов первой и апелляционной инстанций, а также жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном гл. 43–45 УПК. Согласно позиции Пленума Верховного Суда, вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства, могут быть пересмотрены в порядке надзора лишь до передачи уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу (п. 4 постановления от 1 января 2007 г.). Обосновывается это тем, что какое бы то ни было вмешательство в деятельность судов при отправлении правосудия, в том числе и со стороны вышестоящих судебных инстанций, является недопустимым. Пленум Верховного Суда не учел, что возможность последующего судебного контроля на досудебных стадиях сама по себе чревата ограничением независимости суда, рассматривающего дело по первой инстанции. В рамках уголовно-процессуальных отношений, возникших по конкретному факту, появляется ряд относительно самостоятельных правоотношений проверочного характера, существенно определяющих развитие основных правовых отношений. В.В. Кальницкий по этому поводу справедливо отмечает, что такой механизм чреват ограничениями судейского усмотрения в исследовании и оценке доказательств при рассмотрении дела по существу. Судьи, рассматривающие дело по существу, оказываются связанными предшествующими решениями по вопросам о законности (незаконности) следственных действий, допустимости (недопустимости) доказательств, которые к тому же могут пройти кассационное обжалование и быть подтвержденными соответствующим вышестоящим судом. Преодолеть такие решения в судебном заседании невозможно, отсюда и усмотрение судьи при оценке доказа-

тельств существенно ограничено⁴⁷. Таким образом, Пленум Верховного Суда запретом обжаловать в надзорном порядке судебные решения, принятые на досудебном производстве после передачи уголовного дела в суд, не исправляет ситуацию, а лишь усугубляет ее, ограничивая право на обжалование, установленное ст. 19 УПК и выступающее в качестве принципа уголовного судопроизводства.

В то же время полностью охватываются правилами применения закона по аналогии разъяснения Пленума относительно права суда надзорной инстанции возратить уголовное дело прокурору в целях устранения нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе судебного производства и повлекших лишение или стеснение гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, исключая возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия (п. 15 постановления).

Подводя итог, следует отметить, что Пленум Верховного Суда выполняет важную функцию придания единообразия уголовно-процессуальной правоприменительной практике. Содержание его постановлений может рассматриваться как способ нормативного толкования закона и преодоления пробелов в праве. Однако выход за пределы предоставленных Пленуму Верховного Суда полномочий, которые следовало бы нормативно закрепить, чреват размыванием границ уголовно-процессуального законодательства и снижением стандартов защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

⁴⁷ См.: Кальницкий В.В. УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения. Материалы межведомственного «круглого стола» / Под ред. О.А. Галустяна и О.И. Цоколовой. М., 2003. С. 42–49.